

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.15>

Михальков Глеб Михайлович

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНОЙ АБСУРДНОЙ СИТУАЦИИ

В статье предлагается новый подход к понятию абсурда в социальной философии. Разнообразие реальных ситуаций, к которым приложим эпитет "абсурдная", требует определения статуса абсурда в социально-философском измерении. Здесь он выступает как абсурдная ситуация, имеющая четкую локализацию и характеризующаяся позицией оценивающего и языком описания. Логико-семантическая специфика абсурда как социально-философского феномена заключается в том, что абсурдная ситуация - это "сдвиг" не самой действительности, но концептуального образа мира.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(87) С. 64-68. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

конфуцианскими мыслями, что привело к развитию однобоких взглядов на небесное Дао и человеческую сущность. В конце эпохи Мин – начале эпохи Цин Ван Фучжи, объединив древнекитайскую философию на основании традиционных взглядов на отношения неба и человека, пришел к диалектическому пониманию отношений неба и человека. Очевидно, что существующие оценочные суждения о социуме разнятся. Хотя идеи конфуцианцев, буддистов и даосов о связях небесного Дао и социальных правил в некоторой степени сходятся, все признавали их связь, при этом конфуцианцы исследовали данный вопрос наиболее глубоко.

Список источников

1. Горбунова С. А. Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: Форум, 2008. 318 с.
2. Кобзев А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002. 606 с.
3. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с китайского и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004. 431 с.
4. Кравцова М. Е., Баргачева В. Н. Культ Конфуция // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5-ти т. М.: Восточная литература, 2006. Т. 2. С. 196-201.
5. Литвинова Л. В. Древнекитайская философия: собрание текстов: в 2-х т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 363 с.
6. Мэн-цзы / предисл. Л. Н. Меньшикова; пер. с китайского; под ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
7. Переломов Л. С. Конфуций. Лунь Юй. М.: Восточная литература, 2001. 588 с.
8. Рутковская М. В. Понятие «Дао» в китайской философии [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 33. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56704.htm> (дата обращения: 21.02.2018).
9. Фэн Юлань. Краткая история китайской философии / пер. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1998. 376 с.
10. Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» / под ред. А. И. Кобзева. Изд-е 2-е, испр. и доп. [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1993. URL: http://tomsk.jagannath.ru/users_files/books/DjouI.pdf (дата обращения: 06.03.2018).
11. Chen Menglei. Elementary introduction of Zhou Yi. Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House, 1983. 362 p.
12. Wang Kejian. The relationship of Dao of heaven and human in ancient Chinese philosophy // Scientific bulletin of Tianjin Normal University. 2010. Vol. 3. P. 15-19.

**THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP OF HEAVEN AND HUMAN
IN ANCIENT CHINESE PHILOSOPHY**

Li Wanli

*Transbaikal State University, Chita
9144596000@mail.ru*

The study of the relationship of heaven and human is an important issue in ancient Chinese philosophy. Heaven here is not fully equated with nature, the doctrine of heaven and human does not stop at the study of relations of man and nature. The article deals with the character of the relationship between heaven and human as a whole, the interrelation between the heavenly Dao and social norms, and compares the approaches of the Confucians, Daoists and Buddhists in the historical aspect. Despite the differences, they all agree that heaven is the embodiment of higher intelligence, justice, and its function is to regulate the order, punishment and reward of every person in accordance with his / her moral image.

Key words and phrases: human nature; Dao of heaven; relationship of heaven and human; social norms; holistic identity; Confucianism; Daoism; Buddhism.

УДК 1:316

Дата поступления рукописи: 07.02.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.15>

В статье предлагается новый подход к понятию абсурда в социальной философии. Разнообразие реальных ситуаций, к которым приложим эпитет «абсурдная», требует определения статуса абсурда в социально-философском измерении. Здесь он выступает как абсурдная ситуация, имеющая четкую локализацию и характеризующаяся позицией оценивающего и языком описания. Логико-семантическая специфика абсурда как социально-философского феномена заключается в том, что абсурдная ситуация – это «сдвиг» не самой действительности, но концептуального образа мира.

Ключевые слова и фразы: абсурдная ситуация; рационализация; факт; ментальный конструкт; концептуальный образ мира.

Михальков Глеб Михайлович

*Ивановский государственный университет
gleb.mihalkov.post@yandex.ru*

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ СТАТУС СОЦИАЛЬНОЙ АБСУРДНОЙ СИТУАЦИИ

Понятие абсурда традиционно считается одним из наиболее сложных в научной и философской традиции по причине многообразия проявлений абсурдного и его возможной аспектуализации (философский

«антипод» разума; логический или коммуникативный тупик; лингвистическая бессмыслица; экзистенциальное отчаяние и т.д.). Абсурд как таковой способен обнаруживаться в любой сфере жизни и мысли: «Абсурдное утверждение – идея, мысль, сама себе противоречащая. Абсурдное действие – это действие, которое априори не приводит к поставленной цели...» [9, с. 7]. Как отмечает О. Ю. Зенина, характеризуя нелепости социальной жизни, в подобных случаях «обычно говорят о несовершенстве законов, произволе или недобросовестности отдельных людей, сетуют на недостатки образования и воспитания, на падение нравов и т.д. Однако... абсурд – атрибутивная черта социальной действительности» [6, с. 69]. На уровне лингвистической аномалии и логической ошибки абсурд (как логико-семантический сдвиг) может трактоваться в качестве альтернативной языковой логики, актуализирующей более глубокий (или иной) смысловой порядок, и парадоксален даже на уровне своих философских определений: «Попытка дать категориальное определение абсурда невыполнима и сама по себе абсурдна, поскольку абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума» [10, с. 21]. Если с точки зрения конкретной сферы бытования (фиксации) абсурда он еще поддается поверхностной систематизации (бытовой конфликт, бюрократическая неразбериха, юридический казус, производственные споры, амбивалентность рекламных сообщений и т.п.), то слагаемые и типы самого эффекта абсурда, а значит, и ситуаций, которые можно назвать абсурдными, не организуются по какому-то одному образцу, следовательно, необходимо осмыслить предварительные условия для работы с данным понятием в рамках социальной философии. Этим определяется **актуальность** нашего исследования, **предмет** которого – определение статуса абсурда и условий работы с ним в социально-философском измерении.

Именно факт многоликости абсурда должен являться точкой отсчета, поскольку диапазон его характеристик слишком велик: от логических несообразностей и лингвистических казусов до языка описания персонального бытия (экзистенциальная «тошнота» и пр.) и целой цивилизации («абсурдность» современного общества «западного» типа). Любая резко отличная логика мышления и поведения, будь то альтернативный политический миф соседей по карте, столкновение житейского здравого смысла и бюрократического регламента, экстремизм, суицидальность и пр., способна породить «абсурдное» размежевание позиций оценивающих (так, противостоящие друг другу установки национальной идентичности делают взаимно абсурдными в глазах русских и украинцев оценки гетмана Мазепы и Степана Бандеры – предатель и кровавый пособник нацистов оказываются у соседей национальными героями, борцами за свободу и независимость). Абсурд в жизни столь многолик, что любая попытка рационализации самого понятия – не абстрактная (содержание и объем), а прагматическая – чревата дисциплинарными или интерпретационными ловушками или, по крайней мере, резкой редукцией, ведущей к серьезным искажениям. Так, например, в исследовании Е. И. Лобановой «Абсурдизм как общественное явление современности» опорным является следующее положение: «Абсурдизм представляет собой общественное явление, отражающее реальные противоречия в социальной действительности и их рефлексии, выражающееся в нарушении логической цепочки цель-средства-результат и проявляющееся во всех сферах общественной жизни через несоответствие результата деятельности потребностям развития социума» [7, с. 13]. Абсурдная ситуация здесь предстает как нарушение некоей реальной или гипотетической «правильности» (соответствующей разумно-гармоничному устройству общества) – нарушение, которое может быть и должно быть в конечном счете устранено. Неизбежно порождаемые противоречия, таким образом, должны постоянно помещаться в пространство рационального регулирования – таков рецепт автора. Действительно, многие выглядящие абсурдными ситуации современности вполне поддаются регулировке при благоприятных обстоятельствах. Однако само понятие абсурдности здесь дисциплинарно сужено и телеологически рационализировано: ведь явные социальные последствия имеют и экзистенциальный абсурд, и вряд ли устранимое многовариантное социокультурное разноязычие, абсурдным «остатком» которого является трагическая ситуация взаимонепонимания (от семейно-гендерных войн до пресловутого «конфликта цивилизаций»), и многое другое. В отличие от поддающихся рационализации условных систем (формальной логики и пр.), «в широкой исторической действительности абсурдными могут быть связи не только слов, но и самих предметов» [11, с. 437].

На наш взгляд, предварительные условия для работы с понятием абсурда в социальном контексте таковы: 1) четкая локализация конкретного проявления абсурда – где именно, в какой сфере жизнедеятельности, по отношению к чему нечто воспринимается как абсурдное (опорным выступает термин «абсурдная ситуация»); 2) определение позиции («точки зрения») того, кто оценивает ситуацию как абсурдную, что позволяет а) увидеть и уточнить характер субъективной оценки; б) без искажений описать параметры ситуации; 3) для описания сложных ситуаций необходима характеристика языка предъявления абсурдности, поскольку «язык – не прозрачное орудие мысли, конкретная дискурсивная практика содержит в себе и миропонимание, и целеполагание...» [9, с. 75]. Наглядный пример внешне простого, но внутренне сложного случая – ситуация, связанная с бюрократическими процедурами. Вероятно, любой гражданин России хоть раз, но оказывался в бюрократических тупиках и нелепых обстоятельствах. Приведем вполне обыденный, но именно в силу обыденности весьма репрезентативный случай из жизни моих знакомых.

Одному из них потребовалась в налоговой инспекции справка в суд о том, что он не является частным предпринимателем. Уже одно это способно удивить: в электронную эпоху существуют базы данных, и нетрудно представить процедуру, которая позволит суду мгновенно установить данный факт. Дальнейшее изложение приводим с позиции знакомого.

Оказалось, что, несмотря на автоматизацию очереди, с одного раза это сделать невозможно: необходимо сначала взять талон, чтобы получить в окошке бланк заявления, заполнить его (ровно минута) и затем, снова взяв талон, по очереди отдать заполненный бланк в окошко под номером согласно талону. Заявление будет рассмотрено (!) в течение 5 суток (это 100 рублей) или за 400 рублей ускоренно (на другой день). Соответственно, надо еще прийти (третий раз, если не вышло выполнить первые две операции за один, поскольку надо еще отлучаться в банк, чтобы заплатить эти 100 или 400 рублей – а там тоже талоны и окошки) и забрать ответ.

Этот «заданный» (схемный) бюрократический абсурд (1-й уровень) меркнет, однако, перед реальным наполнением житейской ситуации (2-й уровень). Когда человек пришел в третий раз к самому открытию учреждения за готовым ответом, он не сомневался, что, заплатив 400 рублей и будучи одним из первых в очереди, быстро получит нужный документ и сможет не очень сильно опоздать на работу. Зная, что окошки для выдачи есть еще и на втором этаже учреждения, он не просто взял талон (на нем был указан номер окошка на втором этаже), но и убедился, что на табло в зале высвечиваются данные по второму этажу и что люди сидят здесь, в зале первого, а по вызову табло могут идти на второй. Минут через 20 ожидания он заподозрил неладное: людей, пришедших после него, давно обслужили, а он все сидел. Консультант в зале посоветовала ему сходить на второй этаж, где выяснилось, что **данные именно по этому виду справок высвечиваются (и, соответственно, озвучиваются) только на табло второго этажа**, «поскольку эти окошки на втором этаже и Вас должны были предупредить при подаче заявления» (!). Возмущение человека несколько изумило работников налоговой – «Вас же предупреждали!». Тогда он задал несколько простых вопросов с целью эксплицировать абсурдность аргументов налоговиков: *Если я подавал заявление и платил пошлину в субботу, на бегу, перед закрытием, а получал документ во вторник, должен ли я запоминать вторых же сказанную мне информацию? (если сказали – не запомнил). Не логичней ли либо не обслуживать – избирательно же! – второй этаж на первом, либо обслуживать всех? Если так почему-то сделать нельзя, то почему не приходит в голову хотя бы табличку повесить рядом с талонным терминалом, где это можно прочесть?* Вразумительного ответа не было.

Сложность схемы получения данной справки явно продиктована не только «заговором бюрократов против простого человека» (в чем мы и вправду готовы подозревать любого чиновника и любое учреждение), но и типичной унифицированностью операций с целью рационализировать и убыстрить процесс получения любых справок. Результаты прогресса (автоматизации, информатизации услуг и пр.), как часто бывает, неоднозначны. Безусловно, упорядочиваются и сокращаются очереди; возможно, проще становится более сложная процедура – но явно усложняется простая (добавим, что вскоре пришлось проходить процедуру еще раз – точно такая же справка должна была уйти в другое учреждение. Опустим логичные вопросы). Возникает вопрос, лежащий вне нашей компетенции: *как рационально оптимизировать работу сложных социальных систем, если их различные системные участки-сектора требуют различных сценариев оптимизации?*

Постановка данного вопроса бросает свет разума и на внешне абсурдную логику второго уровня. Столь странное и легко упускаемое из виду распределение информации по этажам, очевидно, и представляет собой неудачную попытку секторальной оптимизации. Неудачную с точки зрения потребителя услуг – но, видимо, удобную для того, кто эти услуги предоставляет. Остается определить, кто устанавливает в данном случае «норму нормальности» – госучреждение или потребитель, поскольку логика (и, соответственно, антилогика оппонента) прослеживается и там, и там.

Язык предъявления абсурдной ситуации обеими сторонами (напомним, что абсурдной она выглядит только с одной стороны) абсолютно различен. Со стороны потребителя – это личностный нарратив с пафосом негодования и печальной иронии; со стороны учреждения – безличный алгоритм унифицированного «обслуживания», воплощенный в механическом голосе объявлений. Можно подытожить, что абсурдная ситуация в аспекте коммуникативного сбоя развивается именно в этом зазоре – а вот он уже вряд ли устраним полностью в рамках какой угодно рационализации.

Типологизирование социального абсурда по схеме «цель – средства – результат» является упрощением также и в силу недостаточной проясненности самого статуса социального абсурда в эпистемологическом и коммуникативном аспектах. И неслучайно проблематика абсурда получила развернутое описание в лингвоориентированных практиках – абсурд идентифицируется говорящим субъектом как лингвистически выраженное нарушение какого-либо ожидаемого порядка. Так, в пьесе Грибоедова «Горе от ума» военный карьерист Скалозуб недоумевает относительно абсурдного поведения своего племянника («Чин следовал ему: он службу вдруг оставил...» [4, с. 113]), а гости на балу, несмотря на осведомленность о вольнодумстве Чацкого, квалифицируют его поведение именно как безумное (т.е. абсурдное с точки зрения той единственной логики, которую они признают). Иными словами, абсурдная ситуация возникает как *манифестированный феномен* не внутри самой реальности, а в плане соотношения жизненной ситуации с логикой ожидаемого – в так называемой «ментальной оболочке» реальности, реализуемой в речи. Поэтому первая задача осмысления абсурдной ситуации – это *установление ее статуса относительно реальности*, что требует обращения к общезыковой проблематике.

Современные представления о языке позволяют провести четкое различие между событием как таковым и фактом как продуктом «ментальной оболочки» этого события – они относятся к разным семантическим типам, и «факт» отражен «в обобщающем значении таких слов, как *суждение, мнение, утверждение, сообщение, факт* и пр. <...> Для человека жизнь складывается из событий, но ее анкетное представление

превращает события в факты» [2, с. 103]. Разумеется, для ощущения ситуации как абсурдной нам часто не нужно выносить суждения, мы вообще можем интуитивно ощущать ее – но это означает, что сама когнитивная работа уже идет. Прежде чем помыслить абсурдную ситуацию, необходимо помыслить сам смысл, что невозможно вне языка: «Только предложение имеет смысл» [3, с. 13].

Абсурдные ситуации возникают на переходе от событийного (онтологического) типа значения к фактообразующему, т.е. там, где конкретная (пространственно-временная и пр.) локализация предмета речи сменяется (или дополняется) переводом его в логическое пространство, в некий концептуальный образ мира, относительно которого и обнаруживается нарушение. Абсурдная ситуация определяется не как событие (простым наличием), а как некий *сложный факт*, «сдвинувший», сместивший происходящее от нормы в область логической нелепости, неувязки, нестроения; языковое описание абсурдной ситуации необходимо содержит в себе минимум два этих плана, а не один. Согласно современным взглядам, «представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно. Суждение структурирует действительность так, чтобы можно было установить, истинно оно или ложно. Это наглядно показывает концепция истинности А. Тарского, согласно которой суждение *Снег бел* истинно, если и только если снег бел. <...> Реальность существует независимо от человека, а факт – нет. Человек вычленяет определенный фрагмент действительности... структурирует его по модели суждения (т.е. вводит значение истинности), верифицирует и только тогда он получает факт» [2, с. 155]. Иными словами, нет «сырых» или «голых» фактов (вопреки выражению «голый факт»); «сырыми» могут быть только ощущаемые процессы и состояния.

Понятие «ситуация» используется как для обозначения фрагмента действительности (событие), так и для обозначения языкового концепта – во втором значении как раз и возникает противопоставление *ситуация / факт*: «...ситуация, обладающая атрибутами места, времени, временной протяженности и т.д., подвергается операции “заклечения в оболочку”, в результате которой она становится фактом, а это означает, что она теряет атрибуты места, времени, временной протяженности... и приобретает свойства самой “ментальной оболочки”, т.е. параметр истинности, вероятности, рациональной оценки и т.п.» [5, с. 24]. Вне «рациональной оценки» абсурдная ситуация не может быть определена, следовательно, ее логико-семантический статус должен быть установлен иначе, нежели «реальные противоречия в социальной действительности» [7, с. 13] (язык не «нулевой уровень» в понимании социальных процессов, а важнейший). *Абсурдная ситуация – это разрушительный «сдвиг» («мыслетрясение») концептуального образа мира, как он возникает в данный момент (нарушение, претендующее на масштаб задействованной нормы).*

Очень хорошо иллюстрирует эту многоуровневую укорененность абсурдной ситуации в концептуальном образе мира и трудность ее «исправительной» рационализации очерк А. Аграновского «Труба» (1967), где рассказывается одновременно привычная и абсурдная история из жизни – причем с первых строк именно как чудовищно-абсурдная («мыслетрясение»): «Люди не пригодны к сизифову труду. <...> Однако на современном уровне развития техники удалось решить и эту задачу. С помощью специализации и разделения труда. Один Сизиф в первую смену вкатывает камень в гору. Потом во вторую смену приходит другой Сизиф и скатывает камень с горы. И все довольны» [1, с. 264]. Хотя речь идет о советском плановом хозяйстве, автор подчеркивает, что у настоящего труженика, что называется, «душа болит», если дело правильно организовано, «имеется все, что нужно для дела, если нет повода болтаться и есть возможность заработка» [Там же].

Ценности рассказчика совпадают с ценностями бригады – тем безобразней разрушительное вторжение абсурда: из-за «ошибки проектной организации» трубу придется разрезать и выбросить, причем сделать это (опять-таки за хорошие деньги) поручено той же бригаде. «Резать послали Кешу Бурдукова, классного бензорезчика. Человек он молчаливый и материться не стал. Он повернулся и пошел, но, как говорили мне после, “лицо у него было!”». И все шли в тоннель, как на похороны» [Там же, с. 265].

Цепочка «цель – средства – результат» – только верхний, абстрактный срез проблемы. Статус абсурдной ситуации здесь – нарушение «мирового порядка», который выступает для действующих лиц в форме советского строя. И именно на уровне «концептуального образа мира» выражен «крик души» в коллективном письме рабочих, воспринявших произошедшее как катастрофу. Однако для представителей бюрократизированного управленческого аппарата ситуация и вовсе не абсурдна. Возникает, таким образом, третий концептуальный план (первый – «норма», второй – «абсурдное нарушение», третий – «абсурдное нарушение как норма»), с которым публицист и собирается воевать. Однако проведенное им расследование вскрывает такую цепочку несообразностей, что исходная абсурдная ситуация оказывается всего лишь маркером глубинных процессов: первоначальный чертеж теплосети покрывается разноцветными исправлениями и дополнениями, потому что не учли одно или другое; «выкинули часть лотков, иначе повели трубу, тянули ее, тянули, – уперлись в кабельный канал. Опять переделка...» [Там же, с. 267].

Вопрос о подлинных причинах конкретного и стоящего за ним глобального социального абсурда превращается в гамлетовский, и вряд ли его может исчерпать любой ответ. Сам Аграновский делает революционный для своего времени вывод («плохо работает весь экономический механизм»), мы можем снисходительно порассуждать о преимуществах рыночной экономики над плановой, однако ощущаются и еще более глубокие и масштабные слои проблемы, связанные и с национальным отношением к труду, и с менталитетом русского человека, и с неизбежностью нарастания энтропийных последствий в усложняющихся социальных системах, и с прихотливостью возникновения «порядка из хаоса» и погружения его обратно в хаос и пр. Абсурдная ситуация оказывается многоуровневой и многомерной, ее внутреннее расчленение можно провести самими

разными способами – например, от сквозной идеи, заявленной автором в первом абзаце очерка, к конкретным вариантам абсурдности, до понимания абсурда здесь как своеобразной «матрешки» вложенных одна в другую абсурдных ситуаций, каждая из которых, однако, может иметь разный «катализатор» абсурдности, скажем, случайную ошибку (недостаточную квалификацию, халатность, усталость проектировщика). Сама возможность абсурдного символизма, явно обыгранная и коннотациями заглавия («труба» как элемент фразеологизма «дело труба», имеющего и всем известный матерный эквивалент, характеризующий предельную безнадёжность ситуации), свидетельствует, в каком именно пространстве (даже пространствах) разворачивается абсурдная ситуация. Журналист, известный своим образцовым исследовательским подходом к социальным проблемам, предпринимает все возможные усилия по рационализации абсурда – однако результатом становится не четкий рецепт, а явно ощущаемый, как бы поверх упорной веры автора в социализм и разум, экзистенциальный вопрос к действительности, отказывающейся развиваться по плану и распадающейся на обыденные микросюжеты, сумма которых порождает «дурную бесконечность», глобальный абсурд.

История с трубой – пример того, насколько разномасштабно, разноуровнево, разнокомпонентно может быть представлена даже одна абсурдная ситуация социальной действительности в зависимости от того, как субъект ее представления сегментирует и семиотически кодирует реальность, какие точки зрения, контекстные связи и язык описания выбирает, насколько уверен в степени ее рационализуемости и т.п. Иными словами, *абсурдная ситуация – бесспорный социальный факт в указанном выше смысле: факт как ментальный конструкт, имеющий социальное происхождение и определенное концептуально-языковое воплощение.*

Соответственно, в логико-семантическом аспекте мы можем отметить следующие черты абсурдной ситуации в социальной действительности: 1) обусловленность абсурда как социального «факта» не только свойствами самой действительности, но – в первую очередь! – свойствами воспринимающего сознания («ментальной оболочкой» события); 2) в силу этого – прямая зависимость фиксации и кодификации социального абсурда от позиций, предпочтений, предрассудков лиц, оценивающих конкретную ситуацию (*релятивизм статуса социального абсурда*); 3) «мерцание» самой оценочной системы *норма – антинорма, логика – антилогика* в силу ее сложной и динамичной социальной природы; 4) зависимость восприятия и оценки абсурдной ситуации от масштаба интеллектуальной «рамки», в которой воспринимает ее наблюдатель и которая может свободно перемещаться.

Список источников

1. Аграновский А. А. Труба // Аграновский А. А. Избранное: в 2-х т. М.: Известия, 1987. Т. 1. С. 264-271.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы: в 2-х ч. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
4. Грибоедов А. С. Горе от ума. М.: Дрофа, 2007. 222 с.
5. Зализняк А. А. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста / АН СССР; Ин-т языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 21-33.
6. Зенина О. Ю. Ситуации абсурда в социальной действительности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 108. С. 69-73.
7. Лобанова Е. И. Абсурдизм как общественное явление современности: социально-философский анализ: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2013. 23 с.
8. Михальков Г. М. Коммуникативный абсурд как реальная абсурдная ситуация // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2 (56): в 3-х ч. Ч. 1. С. 74-77.
9. Никитин В. Н. Онтология телесности: смыслы, парадоксы, абсурд. М.: Когито-Центр, 2006. 320 с.
10. Огурцов А. П. Абсурд // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 21-24.
11. Померанц Г. С. Язык абсурда // Померанц Г. С. Выход из транс. М.: Юрист, 1995. С. 435-478.

LOGICAL-SEMANTIC STATUS OF A SOCIAL ABSURD SITUATION

Mikhal'kov Gleb Mikhailovich
Ivanovo State University
gleb.mihalkov.post@yandex.ru

The article suggests a new approach to the notion of absurdity in social philosophy. The variety of real situations, to which we apply the epithet “absurd”, requires the definition of the status of absurdity in the socio-philosophical dimension. Here it acts as an “absurd situation” with a clear localization and characterized by the position of the evaluator and the language of the description. Logical and semantic specificity of absurdity as a socio-philosophical phenomenon lies in the fact that an absurd situation is a “shift” not of reality itself, but of the conceptual image of the world.

Key words and phrases: absurd situation; rationalization; fact; mental construct; conceptual image of the world.